

ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОЛОДЕЖИ ПО ОТНОШЕНИЮ К МИГРАНТАМ

Аннотация. В данной статье анализируется совокупность факторов, детерминирующих процесс радикализации молодежи, отражающейся в осуществлении деяний экстремистского характера по отношению к мигрантам в контексте проблемы интеграции мигрантов в российское общество на современном этапе.

Ключевые слова: молодежный экстремизм, мигранты, мигрантофобия, ксенофобия.

Abstract. The article analyses a set of factors that determines the process of youth radicalization, resulting in extremist actions towards migrants in the context of a problem of migrants' integration into the Russian society at the modern stage.

Key words: youth extremism, migrants, migrant phobia, xenophobia.

Проблема молодежного экстремизма по отношению к мигрантам становится все более актуальной в современной России. СМИ насыщены инфоблоками о различных преступлениях и правонарушениях подобного рода. «Лидерами», естественно, в силу притягательности для значительной массы миграционных потоков различного этноконфессионального состава, являются города федерального значения. Однако проявления мигрантофобии и молодежного экстремизма, направленного против мигрантов, все чаще прослеживаются и в провинции. Подобные процессы негативно влияют на международный имидж Российской Федерации, способствуют возникновению дестабилизирующих тенденций в контексте общественно-политического развития государства, препятствуют формированию единого политико-культурного пространства.

Убийство 9-летней таджикской девочки Хуршеды Султановой 9 февраля 2004 г., студентов – Лесотехнической академии гражданина Конго Ипассака Роланда Франдза 10 сентября 2005 г., Санкт-Петербургского государственного университета Тимура Качаравы 13 ноября 2005 г., Санкт-Петербургского университета водных коммуникаций гражданина Сенегала Самбы Лампсара 7 апреля 2006 г., покушение на убийство 9-летней девочки Сиссоко Лилиан Сакко 25 марта 2006 г., нападения на граждан иностранных государств – это данные по г. Санкт-Петербургу. По мнению В. Харламова, А. Антипова (сотрудников МВД), именно культурная «столица» держит «пальму первенства» в статистике нападений на иностранцев [1, с. 37], что можно оспорить.

В статье М. Ф. Мусаеляна [2] приводится статистика подобного рода преступлений по России в целом и по Москве в частности. Так, по данным Московского бюро по правам человека, в 2008 г. в Российской Федерации зафиксировано 300 случаев нападений и конфликтов на почве национальной ненависти и ксенофобии, в которых погибли 122 человека. По данным ФСБ России, за 10 месяцев 2008 г. только на территории Центрального федерального округа Российской Федерации зафиксировано 135 преступлений экстре-

мистской направленности, что практически вдвое выше показателей аналогичного периода 2007 г. По данным ГУВД Москвы, в 2008 г. в Москве зафиксировано 95 фактов нападения на лиц неславянской национальности (по данным СКП РФ – более 80), в том числе 47 убийств и 46 случаев причинения тяжкого вреда здоровью из националистических побуждений. Количество преступлений по мотивам национальной ненависти за 2008 г. в Москве увеличилось на 30 % по сравнению с 2007 г. В январе – начале февраля 2009 г. в Москве уже было зарегистрировано 16 нападения на национальной почве, обезврежено 4 экстремистские группировки [2, с. 44].

2010 год «пополнил» скорбный список жертв молодежного экстремизма. В вестибюле станции «Крестьянская Застава» столичного метро нападению со стороны двоих молодых людей, находившихся в нетрезвом состоянии, подверглись приезжие из Дагестана. 13 июня объектом нападения стала студентка Всероссийской творческой мастерской эстрадного искусства им. Л. С. Маслюкова 21-летняя Алтана Мигалкина, уроженка Усть-Алданского улуса [3]. 5 августа 2010 г. Пензенским районным судом был вынесен приговор за хулиганство, совершенное по мотиву национальной ненависти в отношении несовершеннолетних Артема Д. и Сергея К., учинивших с двумя друзьями бесчинства во дворе частного дома, в котором проживала семья из Таджикистана, в сентябре 2009 г. [4].

Материалы различных социологических опросов среди молодежи дают также весьма удручающую картину. В 2006 г. кафедрой «Социология молодежи» социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова было проведено исследование «Изучение проблем экстремизма в молодежной среде». Практически каждый седьмой опрошенный не видит ничего плохого в национализме, а каждый пятый считает себя националистом; 31 % уверены, что «люди некоторых национальностей по природе лучше других»; 78 % респондентов придерживаются мнения, что в России происходит рост национализма. Причем этот рост в первую очередь связывают с притоком иммигрантов (53 %) [5, с. 116–117].

Результаты исследования отдела социологии молодежи ИСПИ РАН в 2006 г. в 12 регионах РФ являются схожими по сути [6, с. 39–43]. В отношении к мигрантам радикализм проявили 41,4 % респондентов. Об уровне радикализма можно судить также по степени одобрения деятельности радикальных политиков и организаций. В разной степени разделяет взгляды радикальных русских националистов, выступающих против роста численности мигрантов и лиц нерусской национальности в России, 21 % молодежи. Высокий уровень экстремистских настроений по данному показателю характерен для 7,5 % молодежи. Сравнительный анализ результатов исследования, проведенного в 2006 г. с аналогичным исследованием отдела социологии молодежи ИСПИ РАН в 2002 г., показывает тенденцию роста экстремизма среди молодежи в целом [6, с. 40, 42].

По мнению С. Беликова, рост этнофобских настроений среди молодежи сопровождается увеличением доли лиц, готовых принять непосредственное участие в конфликтах на этнической почве на стороне представителей своей национальной группы. Подобные настроения прослеживаются уже в подростковом возрасте. Так, среди учащихся школ ксенофобские идеи разделяли: в 1998 г. – от 20 до 36 %; в 2001–2001 гг. – от 8 до 47 %; в 2004–2005 гг. – от 25 до 53 %. При этом готовность участвовать в озна-

ченных выше конфликтах проявляли: в 1998 г. – от 60 до 83 %; в 2002–2002 гг. – от 73 до 89 %; в 2004–2005 гг. – от 66 до 91 % [7, с. 66–67].

В 2009 г. в Республике Коми Республиканской юношеской библиотекой совместно с Национальной детской библиотекой им. С. Я. Маршак было проведено исследование в рамках реализации проекта КРЮБ «Все различны – все равны» [8, с. 57–64]. 19,7 % опрошенных заявили, что видят проблему во взаимоотношениях по религиозному признаку. Интересны показатели по уровню толерантности в отношениях с людьми другой национальности: при знакомстве на улице 72,6 % респондентов сказали, что принадлежность к другой национальности не играет роли; при выборе друзей – аналогичная позиция у 78,5 %; при выборе спутника жизни – у 47,1 %; 48,9 % такой брак считают невозможным. На предложение обозначить методы решения межнациональных конфликтов 9,1 % респондентов высказались за радикальные решения.

Анализируя вышеприведенные результаты социологических опросов, можно сделать ряд разноплановых, но системно связанных выводов. Во-первых, мигрантофобия молодежи является, по сути, одной из составляющих ксенофобии в целом. Как правило, определяющим становится этническая и религиозная неприязнь. Статус мигранта как представителя обособленной социальной группы, объединяющей практически все категории, предопределяет выбор «жертвы» агрессии в силу ряда субъективных причин.

Во-вторых, необходимо ставить вопрос о росте молодежного экстремизма в Российской Федерации в целом во всех его формах и проявлениях, в первую очередь в политической сфере. Ряд авторов напрямую говорят как о негативной динамике радикализации России (что, впрочем, подтверждается и результатами проводимых социологических опросов), так и о взаимосвязи всех форм экстремистской деятельности молодежи (например, Н. Б. Бааль, И. Л. Тузов, Ю. А. Зубок и В. И. Чупров и многие другие). Ученые прогнозируют дальнейший рост национализма и ксенофобии, что объясняется, например, так называемым «Веймарским синдромом», военными действиями в Чеченской Республике и появлением этнополитического терроризма, воинствующего фундаментализма, интенсивными миграциями в Россию из Кавказского региона, антиконституционными мероприятиями региональных властей по вытеснению «иногородних» (Москва, Краснодарский край) [9, с. 1124].

В-третьих, проблему экстремизма молодежи во всех его проявлениях следует рассматривать в рамках проблемы радикализации российского общества в целом. Результаты исследований ВЦИОМ, проведенных в марте 2002 г. в 27 больших и малых городах России, показали весьма удручающую картину. Так, к выходцам с Кавказа положительные эмоции испытывали 21 %, отрицательные – 74 % россиян. В исследованиях отмечается, что порядка 30 % жителей России заражены антиазиатской фобией, примерно 65 % охвачены национальными фобиями, часто носящими всеобщий характер [9, с. 1124]. Молодежь в данном контексте в силу возрастных, психологических, мировоззренческих, интеллектуальных, социальных особенностей становится фактически «наконечником копья».

В-четвертых, можно приблизительно очертить круг факторов, детерминирующих экстремистскую деятельность представителей молодежи по отношению к мигрантам. Подобная работа уже не раз была проделана рядом ис-

следователей данной проблемы (М. Исаева, Н. Б. Бааль, И. Л. Тузов, И. В. Васенина, М. Ф. Мусаелян и многие другие). Опираясь на существующие разработки, можно попытаться выстроить системную модель факторов, детерминирующих экстремистскую деятельность представителей молодежи, направленную на мигрантов. Условно можно обозначить субъективные факторы (принимая за субъекты взаимоотношений «молодежь – мигранты» обе составляющие) и объективные.

Совокупность **первой группы субъективных факторов** (субъект – молодежь) видится нам следующим образом.

Во-первых, молодежь в процессе достижения социальной зрелости имеет неполный социальный статус, и социальное положение отличается маргинальностью ее позиций в обществе, неопределенностью социальных идентификаций. Процесс становления молодежи как субъекта общественного воспроизводства сопровождается формированием особого экстремального типа молодежного сознания, на разных полюсах которого представлен как фанатизм, так и нигилизм. Ее поведение зачастую характеризуется импульсивностью мотивации, склонностью к риску, агрессивностью, эпатажем, отклонениями от принятых норм, депрессией [10, с. 39].

Во-вторых, психологические особенности неформившейся личности, параллельно с окружающей социальной средой, влияют на формирование мировосприятия и поведение молодежи. В сознании молодежи на фоне традиционных ценностей усиливаются индивидуалистические установки, стремление к самостоятельности, автономности и независимости. Соответственно, повышается роль неформальных межличностных отношений, утверждается связанный с этим противоречивый подход к институтам социального контроля. Заметно усиливаются аполитичность, сочетающаяся с нарастающим негативизмом, социальным протестом. На этой почве растет влияние в молодежной среде идеологии и организаций правого и левого радикализма, экстремизма [11, с. 9]. Формируется, согласно Никласу Луману, типичная стратегия провоцирующего детского поведения по отношению к взрослым [12, с. 135]. Внешние противоречия возникают на стыке взаимодействия молодежи с обществом, при столкновении с его жесткими требованиями. Данной категории характерен радикализм. В ходе проведения в 2006 г. упоминавшегося в тексте исследования были получены следующие результаты: 56 % опрошенных заявили, что «цель оправдывает средства»; 20 % – что «жизнь – не самая главная ценность в мире»; 9 % предпочитают решать вопросы силовыми методами. Примерно треть опрошенных относится терпимо к противозаконным поступкам, 35 % их одобряют. Доминирующими в системе ценностей сегодня становятся материальное благополучие, ценности индивидуализма, частной жизни [5, с. 117].

В своем сочетании два этих фактора приводят к формированию определенных целеполагающих стереотипов, влияющих на поведение экстремистски настроенной части молодежи. Во-первых, желания к самореализации любой ценой либо обеспечению собственной безопасности, выливающегося с учетом психологических особенностей и неполноценного социального статуса в участие в акциях и деятельности организаций экстремистского характера. Во-вторых, стремления молодежи к поиску однородных групп с целью вербальной и невербальной коммуникации. Сбиваясь в своего рода «стаи» по интересам, представители молодежи подпадают под действия фактора психо-

логии толпы либо становятся фактически марионетками в руках опытного, умеющего грамотно все объяснить, лидера. В-третьих, отчасти приводят к совершению действий экстремистского характера – молодежью движет стремление к материальной самообеспеченности. В условиях политической нестабильности и всеобщей неустроенности вынужденный, сугубо прагматический подход толкает часть молодых людей к любой, в том числе и преступной, деятельности [9, с. 1125]. В-четвертых, современное поколение молодежи не обладает историческим сознанием – гораздо легче берет на вооружение разного рода конспирологические схемы, легко управляемо, манипулируемо. Самоидентификация «мы – они» происходит в первую очередь по национальному признаку [13, с. 184–185]. В-пятых, как это ни парадоксально, зачастую молодежью движут благие намерения: идеи патриотизма, восстановления справедливости, защиты положения в обществе своих родных и близких. Например, многие скинхеды – это дети бывших высокооплачиваемых рабочих, инженеров, которых реформы 1990-х гг. превратили в челноков, ларечников. Это дети людей, переживших психологическую драму и моральное унижение, переживающих частые депрессии. В таких городах, как Нижний Новгород, Краснодар, Воронеж, Волгоград, большинство фашистов – дети частных предпринимателей. Они мыслят категориями семейного бизнеса, а национальная идея выражается в том, что инородцы являются потенциальными конкурентами [14; 15, с. 254]. В Ставрополье при депортации нелегальных мигрантов в 2002 г. наиболее активным «исполнителем» решений местных властей стала молодежь [9, с. 1125]. Значительная часть молодежи, являясь патриотами, именно такими методами реализуют свою любовь к Родине. И подобный выбор – вина в большей степени не самой молодежи, а общества в целом с его многообразием общественно-политических и социальных институтов.

По мнению М. Д. Магомедова, в большей степени экстремизм молодежи предопределяют все же не личностные психологические особенности, а такие факторы, как неблагоприятное микросоциальное окружение, в котором они жили и воспитывались, отсутствие должного внимания и присмотра со стороны родителей [16, с. 29]. Во многом на совести «взрослых» и следующий аспект, влияющий на процесс перехода экстремистских устремлений в стадию их реализации, – распространение в среде молодежи алкоголя и наркосодержащих веществ. «Наркоманы становятся «пушечным мясом» экстремистов и террористов» [17, с. 107].

Можно сделать вывод о том, что вышеприведенные факторы способствуют проявлению молодежного экстремизма в целом, независимо от его специфики. Мигранты становятся жертвой противоправной деятельности во многом в силу **второй группы субъективных факторов** (субъект – мигранты).

Не все мигранты в чужой стране могут найти себе работу легально, и поэтому создаются условия для занятия ограниченными в государстве пребывания видами деятельности. Учитывая бесправность и невысокие требования незаконных мигрантов, возникают «теневые» общественные структуры, ориентирующиеся на эту группу работников и в дальнейшем предъявляющие на нее спрос. В России формируются большие чужеродные замкнутые анклавные легальных и полулегальных этнических групп с собственной субкультурой [18, с. 1210–1214]. Соответственно, можно гово-

речь, во-первых, о том, что нередко единственным способом обеспечения жизнедеятельности для части мигрантов становятся криминальные деяния. Во-вторых, зачастую мигранты формируют устойчивые этноконфессиональные сообщества с компактным проживанием в пределах отдельных районов и поселков. При этом, сохраняя свои культурные традиции, свой жизненный график, приезжие исходят из привычных в историческом регионе проживания норм, что просто не нравится автохтонному населению и вызывает вполне объяснимую реакцию неприятия, отторжения и сопротивления. Такую ситуацию в своем исследовании описывает А. В. Дмитриев применительно к подмосковному поселку Востряково, выбранному московскими властями для компактного размещения вынужденных переселенцев [15, с. 131–132]. Для общества в его основной массе не характерен персонифицированный подход к определению виновного – ответственность наделяются все представители данной национальности либо все приезжие в целом. В-третьих, выбор мигрантов в качестве «жертвы» со стороны экстремистски настроенной молодежи во многом предопределен неполным правовым статусом первых. Имея статус нелегального мигранта, приезжие стараются не контактировать с представителями правоохранительных органов, что дает представителям экстремистски настроенной молодежи ощущение безнаказанности.

Анализ *субъективных* факторов, способствующих росту этноконфессиональной розни и влияющих на рост числа экстремистских, по сути и характеру деяний приводит к мысли о том, что существенное, если не определяющее, влияние на данный блок предпосылок оказывают факторы иного, *объективного* характера. Именно позиция и политика государственных и общественных институтов способствует росту экстремизма и мигрантофобии среди молодежи. Как социально-демографическая группа, молодежь является частью общества и по-своему отражает своеобразие каждого этапа его развития. Поэтому для успешного противодействия молодежному экстремизму следует прежде всего четко отличать его причины, коренящиеся в несовершенстве самого общества, в недостатках государственной молодежной политики, от форм его проявления, имеющих социально-групповую специфику [6, с. 47]. Фактически можно говорить о позиции общества – во-первых, о политике государства – во-вторых.

Само современное общество России можно считать достаточно интолерантным. Среди взрослого населения откровенно националистическую идею о введении различного правового статуса для лиц коренной национальности и «инородцев» поддерживают 18 % опрошенных. Однако фактически националистические установки распространены гораздо шире: респонденты вдвое чаще высказываются за то, чтобы доступ в органы власти предоставлялся гражданам с учетом их национальности, что на практике требует введения некоторых ограничений (квот, цензов) на участие в выборах, а также на занятие тех или иных постов в структурах исполнительной власти для «инородцев» [14]. Идеи сепаратизма и унитаризма, присутствующие в обществе, приводят к росту шовинизма и национализма, проявляемого на всех уровнях: от государственного до бытового. Зачастую ксенофобские идеи формируются художественными произведениями, в которых авторы, конструируя вымышленную реальность, опираются на свою систему мировосприятия. Пример: фантаст Кирилл Бенедиктов написал роман «Война за Асгард», в котором в роли надсмотрщика над поработанным русским населением вы-

ступает кавказец [19, с. 171] (формируется своего рода замкнутый круг). Русский национализм сильно маргинализируется и радикализируется, не в последнюю очередь вследствие эффекта подобных творений и публикаций. В. Мукомель, анализируя фильм «Россия 88» выводит тезис о том, что в значительной мере мигрантофобия вызвана искусственно стимулируемыми различными структурами и институтами страхами. Ссылаясь на опрос 2007 г., он же приводит весьма удручающие данные: на вопрос «Как следовало бы поступить с незаконными мигрантами?» 22 % респондентов ответили «ликвидировать», 21 % – «изолировать от общества». По мнению В. Мукомеля, ксенофобия сегодня не только существенный продукт, но и инструмент функционирования российского общества [20, с. 19–20].

Анализируя *объективный* фактор, связанный с политикой государства, как отдельные моменты можно выделить практически все направления государственной национальной политики. В частности, можно говорить о деятельности институтов правовой системы, о роли СМИ, о государственной стратегии профилактики ксенофобии и воспитании толерантности.

Правоохранительные органы – ведущая структура в плане борьбы с проявлением экстремизма по отношению к мигрантам и представителям иной национальности в целом, что придает большую значимость их деятельности. А. М. Гамидов, опираясь на практическую ситуацию в Дагестане, одной из первопричин молодежного экстремизма называет нарушение закона и служебных обязанностей отдельными сотрудниками правоохранительных органов и, как следствие, неверие в действительную возможность решения проблемы сотрудниками органов [21, с. 124–126]. Обиженные неправомерными действиями со стороны работников правоохранительных органов, не нашедшие применения своим знаниям и силам молодые люди группируются вокруг какой-нибудь «солидной» экстремистской организации или объединения [22, с. 115].

Роль российских СМИ в радикализации общества подчеркивают многие исследователи. При чем «существенный вклад» принадлежит собственно государству – одной из причин роста экстремизма является политика властей при решении отдельных национальных проблем в совокупности с проводимыми контролируемым государством СМИ кампаниями PR-поддержки и освещения, например, ряда мероприятий в Чечне. Насилие, порожденное властью, приводит к ответной реакции населения [9, с. 1125]. С другой стороны, жесткая силовая политика как бы служит доказательством невозможности разрешения конфликта иными способами, примером для радикально настроенной части населения в выборе мер, способствует радикализации взглядов представителей толерантного большинства. СМИ с удовольствием сообщают об акциях скинхедов (слишком жестко и дерзко), что вызвано в первую очередь интересами бизнеса. Это ведет к популяризации движения скинхедов, являясь для них фактически бесплатной рекламой [23, с. 41]. Вместе с тем фактически табуирована тема этнических преступных группировок в России [19, с. 173–174]. Таким образом, во многом сами СМИ способствуют распространению и появлению ксенофобских идей [24, с. 425–444].

Деятельность и правоохранительной системы, и СМИ во многом отражает позицию политической элиты государства в целом, ее модели взаимоотношения с обществом. Обострение межэтнических и межконфессиональных отношений вело к тому, что в ряде субъектов РФ устраивались кампании вы-

селения, запугивания кавказцев. В 2002 г. из Ставрополя были депортированы 130 незаконных мигрантов, еще более 18 тыс. человек привлечены к ответственности за нарушение правил пребывания на Ставрополье. Это стало возможно после принятия местного закона [25] «О мерах по пресечению незаконной миграции» [9, с. 1125]. Сам закон был признан противоречащим Конституции РФ и отменен после обращения прокурора Ставропольского края в Верховный суд РФ [26], но действия против мигрантов уже были совершены. По мнению А. Левинсона, «азиатские», черносотенные (ныне «националистические») силы и институты – политический ресурс для Российского государства... они никогда не воспроизводятся вне контроля государства в лице, как правило, его тайных служб. Государство по собственному соизволению их то выпускает на волю, то загоняет назад» [27, с. 18–19]. Аморфность национальной политики российского государства привела к тому, что критерием определения внутренней угрозы безопасности послужили национальная принадлежность и религиозные убеждения российских граждан. Наиболее крайним отражением этой тенденции стала легитимизация понятия «лица кавказской национальности» [9, с. 1124].

В весьма тесной связи с вышеприведенными находится третий *объективный* фактор – внешнее воздействие. В условиях неразвитости институтов гражданского общества, недостаточного внимания к молодежи и ее проблемам, отсутствия комплексной единой программы воспитания молодежи существенную роль начинает играть фактор внешнего влияния, отражающийся в проявлении или реанимации геополитических притязаний ряда сопредельных государств к Российской Федерации и геополитическом воздействии мировых держав на Россию [10, с. 42]. Специалисты отмечают тот факт, что основные молодежные экстремистские движения фашистского типа, открыто пропагандирующие насилие, зачастую опираются на финансовую и организационную помощь со стороны своих западных коллег [1, с. 37].

Исходя из анализа детерминирующих экстремизм молодежи по отношению к приезжим факторов, можно констатировать необходимость разработки и реализации комплексной стратегии интеграции мигрантов в российское общество, включающей системный комплекс мер, предусматривающий работу по различным направлениям, как-то: модернизация законодательства в миграционной сфере и создание условий для его реализации; создание институтов, занимающихся оказанием практической помощи как потенциальным, так и реальным мигрантам в адаптации к новым условиям существования; повышение мер эффективности деятельности органов охраны правопорядка, как в сфере профилактики, так и пресечения экстремизма в целом и молодежного экстремизма в частности; постоянная работа с несовершеннолетними по их гражданскому и патриотическому воспитанию; разработка программы воспитания толерантности в российском обществе в целом. Параллельно необходимо продолжать плодотворную работу по снижению влияния всего спектра факторов, негативно влияющих на разжигание национальной и религиозной розни, создающих предпосылки к деяниям экстремистской направленности и мигрантофобии. Фактически успешное решение относительно локальной проблемы мигрантофобии среди молодежи возможно исключительно в рамках всего пространства социально-экономического, общественно-политического, культурно-образовательного и внешнеполитического развития Российской Федерации.

Список литературы

1. **Харламов, В.** Виды неформальных молодежных объединений экстремистской направленности / В. Харламов, А. Антипов // *Профессионал*. – 2008. – № 2. – С. 37–43.
2. **Мусаелян, М. Ф.** О причинах современного российского молодежного экстремизма / М. Ф. Мусаелян // *Российская юстиция*. – 2009. – № 4. – С. 43–46.
3. URL: <http://news.nswap.info/?p=33830, p=40359> (дата обращения – 30 сентября 2010 г.).
4. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2010/09/d19693/> (дата обращения – 30 сентября 2010 г.).
5. **Васенина, И.** Ценностные ориентации студенческой молодежи и экстремизм / И. Васенина // *Высшее образование в России*. – 2007. – № 11. – С. 116–119.
6. **Зубок, Ю. А.** Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // *Социологические исследования (Социс)*. – 2008. – № 5. – С. 37–47.
7. **Беликов, С.** К типологии праворадикальной молодежи / С. Беликов // *Свободная мысль*. – 2008. – № 4. – С. 65–78.
8. **Пономарева, Т. О.** Умение быть толерантным (итоги республиканского молодежного библиотечного исследования «Я и другие») / Т. О. Пономарева // *Молодежь и общество*. – 2010. – № 1. – С. 56–67.
9. **Тузов, И. Л.** Этнорелигиозный экстремизм и борьба за молодежь / И. Л. Тузов // *Право и политика*. – 2008. – № 5. – С. 1121–1125.
10. **Исаева, М.** Предпосылки и источники молодежного экстремизма / М. Исаева // *Власть*. – 2007. – № 12. – С. 38–43.
11. **Бааль, Н. Б.** Молодежные экстремистские организации в постсоветской России / Н. Б. Бааль // *История государства и права*. – 2007. – № 11. – С. 7–9.
12. **Мартьянов, В.** Быть свободным или «бороться с экстремизмом»? / В. Мартьянов, Л. Фишман // *Новый мир*. – 2008. – № 11. – С. 132–152.
13. **Травин, Д.** Generation «Пу» / Д. Травин // *Нева*. – 2008. – № 7. – С. 181–192.
14. Форум сумеречной саги и всего сверхъестественного. – URL: <http://www.newmoon.net.ru/forum/77-2206-1> (дата обращения – 17 октября 2010 г.).
15. **Дмитриев, А. В.** Миграция: конфликтное измерение / А. В. Дмитриев – М. : Альфа-М, 2006. – 432 с.
16. **Магомедов, М. Д.** Вовлечение молодежи в совершение преступлений экстремистского характера / М. Д. Магомедов // *Российский следователь*. – 2007. – № 20. – С. 29–31.
17. **Миронов, А. С.** Профилактика наркомании и подросткового экстремизма / А. С. Миронов // *Молодежь и общество*. – 2010. – № 1. – С. 104–114.
18. **Бахлаев, А. Е.** К вопросу о правовом статусе нелегальных мигрантов в Российской Федерации / А. Е. Бахлаев // *Право и политика*. – 2008. – № 5. – С. 1210–1217.
19. **Ковалев, В.** Русский национализм в кривом зеркале / В. Ковалев // *Москва*. – 2009. – № 11. – С. 167–174.
20. **Мукомель, В.** Ненависть от страхов / В. Мукомель // *Искусство кино*. – 2009. – № 4. – С. 19–20.
21. **Гамидов, А. М.** Молодежный экстремизм как следствие преступности среди работников правоохранительных органов / А. М. Гамидов // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2008. – № 6. – С. 124–126.
22. **Зиядова, Д. З.** Молодежный экстремизм: криминологический анализ / Д. З. Зиядова // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2008. – № 6. – С. 113–116.

23. **Вахитов, Р.** Контркультура и капитализм / Р. Вахитов // Юность. – 2010. – № 2. – С. 39–41.
24. **Кроз, М.** Ксенофобия в российских СМИ как проявление экстремизма / М. Кроз // Русский национализм: Социальный и культурный контекст / сост. М. Ларюэль. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – С. 425–444.
25. Закон Ставропольского края «О мерах пресечения незаконной миграции в Ставропольском крае» № 27-кз от 24 июня 2002 г. – URL: <http://www.dumask.ru/legislation/regional/zakony/2002/3006/> (дата обращения – 22 октября 2010 г.).
26. Определение Верховного суда РФ № 19-Г03-4 от 27.05.2003 г. «Производство по делу по заявлению в части признания противоречащими Федеральному законодательству и недействующими ст. 3, абз. 1, 2, ст. 4, ст. 5, абз. 1, ст. 12» Закона Ставропольского края от 24.06.2002 г. № 27-кз – URL: <http://www.lawsector.ru/data/doc69/txa69339.htm> (дата обращения – 22 октября 2010 г.).
27. **Левинсон, А.** Фашизм «в разумных пределах» / Левинсон А. // Искусство кино. – 2009. – № 5. – С. 17–19.

Колобов Олег Алексеевич

доктор исторических наук, профессор,
декан факультета международных
отношений, Нижегородский
государственный университет
им. Н. И. Лобачевского

E-mail: Antony_shmelev@mail.ru

Kolobov Oleg Alekseevich

Doctor of historical sciences, professor,
Dean of the department of international
relations, Nizhny Novgorod State
University named after N. I. Lobachevsky

Шмелев Антон Павлович

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра основ внешней политики
и безопасности России,
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского

E-mail: Antony_shmelev@mail.ru

Shmelyov Anton Pavlovich

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of Russian
foreign policy and security basis,
Nizhny Novgorod State University
named after N. I. Lobachevsky

УДК 323(47)

Колобов, О. А.

Детерминирующие факторы экстремистской деятельности представителей молодежи по отношению к мигрантам / О. А. Колобов, А. П. Шмелев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 22–31.